

Интеграция общего и информального образования как механизм формирования социальной компетентности выпускников школы: перспективы и риски

Павел Семёнович Лернер,

ведущий научный сотрудник лаборатории социально-профессионального самоопределения Института содержания и методов обучения РАО, доцент, кандидат технических наук

• информационные потоки • образование через наследие • информационный тоталитаризм • информационно-коммуникативные технологии • компетенции подростка •

В КАЧЕСТВЕ ВАЖНЕЙШЕГО ФАКТОРА, ОКАЗЫВАЮЩЕГО ОГРОМНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФИЗИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РАСТУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА, ВЫСТУПАЕТ ИНТЕНСИВНЫЙ НАТЯЖ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ И ИНТЕРНЕТА.

Современный ребёнок немислим без виртуальной плоскости экрана — телевизионного, видео, компьютерного, сотового телефона и Интернета. Экран, внедряясь в детское сознание посредством оптических эффектов и образов, не просто конструирует новые ценности и потребности, но и трансформирует их.

В мире актуальной, быстро меняющейся, общедоступной информации взрослые перестали быть авторитетными проводниками детей по лабиринту знаний. По мере того как электронные медиа размывают границу между ними, любопытство сменяется цинизмом или самонадеянной заносчивостью. Дети начинают ориентироваться не на авторитет взрослых, а на информацию, поступающую вроде бы «ниоткуда».

грамм, особенностей их присвоения детьми, но и воздействия скоростей, ритмов телевидения на психическое, психофизиологическое развитие ребёнка.

В этом отношении весьма интересно важное замечание академика РАН В.В. Тишкова¹. «Воспитание историей — давний инструмент в арсенале социальной инженерии. Когда в 1980 г. я собирал в США материал для своей книги о месте и роли истории как науки и учебной дисциплины в американском обществе, я спросил одного из тогдашних лидеров американской историографии, в чём цель преподавания истории в США, и получил краткий, но запоминающийся ответ: воспитать ответственного гражданина. Сейчас в той же самой Америке и в других странах распространено мнение, что воспитание гражданской идентичности в значительной мере берёт на себя так называемое образование наследием (heritage education), которое осуществляется через многочисленные музейные экспозиции, памятные места и экскурсии, а также через общественную среду в целом, включая семейное воспитание».

Образование через наследие имеет много аспектов, в том числе и туристско-развлекательный, но главное, он вызывает у человека гораздо больший, подлинный интерес,

¹ Тишков В.А. Новая историческая культура. М.: Изд-во Московского психологосоциального института, 2011.

Возникает проблема изучения не только содержания про-

нежели выучивание домашнего задания. Оно помогает понять значение и место истории в настоящем, создаёт образ события или эпохи, чего, как правило, не может сделать учебный текст.

Если ещё два-три десятилетия назад ребёнок развивался в условиях малого социума — семьи, класса, ближайшего окружения, то сегодня принципиально новая ситуация, когда уже с дошкольного, младшего школьного возрастов он находится в огромном развёрнутом социальном, в том числе новом знанием, пространстве, где на его сознание буквально давит хаотичный поток информации, перекрывая знания, получаемые от родителей, воспитателей, учителей. Причём эта информация, не имеющая структурно-содержательной логической связи, подаваемая не системно, а бисерно, не просто не вписывается в систему образования, а представляет собой качественно иной тип, противостоящий стационарному образованию, принципиально меняющий не только сочетание зрительного и слухового восприятия детей, но и структуру их мышления, самосознания и миропонимания².

Знаменательно, что на первый план у современных подростков выходят не развлечения, а особый поиск смысла жизни, возрастает их критичность по отношению к взрослым, т.е. фиксируются новые характеристики в их социальном развитии. Подростки критично относятся не только к рекламе, но и к телевизионным новостям как не совсем точным, манипулирующим, идеологически заданным. Их, кстати, смотрит около 30% 13–14-летних, критичность которых достигает почти 70%. Дети, в том числе и подросткового возраста, которым свойственна ориентация на взрослость, не хотят взрослеть, так как у них формируется подсудное недоверие к окружающему миру, особенно к миру взрослых.

Тревогу вызывают факты и факторы, связанные с приобщением детей к телеэкрану, начиная с младенческого возраста. Так, по данным американских учёных, к началу школьного возраста время просмотра достигает 10–12 тысяч часов, а по данным Института социологии РАН, более 60% родителей проводят досуг с ребёнком перед телевизором, каждый десятый ребёнок-дошкольник **всё** свободное время проводит

у телевизора. Возникает особая потребность в экранной стимуляции, которая блокирует собственную деятельность ребёнка.

Экранная зависимость приводит к неспособности концентрироваться на каком-либо занятии, отсутствию интересов, гиперактивности, повышенной рассеянности. Таким детям необходима постоянная внешняя стимуляция, которую они привыкли получать с экрана, им трудно воспринимать слышимую речь и читать: понимая отдельные слова и короткие предложения, они не могут связывать их, в результате не понимают текста в целом. Дети теряют способность и желание чем-то занять себя. Им не интересно общаться друг с другом. Они предпочитают нажать кнопку и ждать новых готовых развлечений.

Неблагоприятной тенденцией выступает обеднение и ограничение общения детей, в том числе и детей подросткового возраста, со сверстниками, рост явлений одиночества, отвержения, низкий уровень коммуникативной компетентности. Наши исследования свидетельствуют, что если в начале 1990-х годов многие подростки испытывали чувство одиночества, но при этом их тревожность стояла на 4–5-м местах по силе проявления, то в 2009 году тревожность у 12–15-летних детей вышла на второе место, усугубляясь чувством брошенности, ненужности взрослому миру, опустошённости, растерянности, неверия в себя³.

Развитие информационно-коммуникативных технологий открывает перед человеком новые возможности, связанные с погружением в мир виртуального пространства, которое даёт ему ощущение полноты жизни за счёт расширения сферы общения с пользователями Интернета. Подключившись к Всемирной паутине и обладая относительно несложными навыками в области поиска необходимой информации, любой начинающий и тем более продвинутый пользователь Интернета может в кратчайшие сроки решать поставленные перед собой задачи.

Прогресс в сфере информационно-коммуникативных технологий достиг таких высот, что вир-

² Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.

³ Там же.

туальное общение становится доступным для миллионов людей, ранее разделённых друг от друга территориально. Создано столько популярных сайтов типа «одноклассники», «в контакте», «фэйсбук», «мой мир», «мой круг», «ютюб», «фотки», а также различных форумов и видеохостингов, в них вовлечены миллионы пользователей в различных уголках земного шара. Многообразны сообщества специалистов, имеющих возможность обсуждать профессиональные проблемы вне зависимости от того, знакомы ли они лично или нет.

Виртуальная реальность оказывается столь привлекательной, что в неё вовлекаются миллионы людей. Если в предшествующие столетия человек мог убежать от скверны бытия в монастырь, а в XX веке спасался бегством в невроз, то сегодня виртуальная реальность способна заменить и то и другое. Уход человека от существующей реальности, не только не доставляющей ему никакого удовольствия порой, но и ввергающей его в водоворот всевозможных коллизий и сшибок, в новую виртуальную реальность, воспринимаемую чаще всего в плане необходимой для жизни «отдушины», становится символом свободы от политических, экономических и социокультурных ограничений, постоянно налагаемых на него⁴.

Большинство исследователей ориентируются на изучение новых форм и методов воздействия на сознание людей с целью повышения эффективности их деятельности. Однако чаще всего результат оказывается противоположным, поскольку в большинстве случаев люди руководствуются бессознательными мотивами. Работодатели стремятся к достижению максимального результата (эффективному управлению, ориентированному на выполнение поставленных задач,

включая увеличение собственного капитала), в то время как исполнителям приходится «выкручиваться», чтобы реализовать данные задачи в условиях, чаще всего непригодных для нормальной человеческой деятельности. И те,

и другие апеллируют к сознанию, в то время как в действительности речь идёт о бессознательных механизмах защиты, в том числе о всевозможных рационализациях.

Исследование мотивационного управления должно включать в себя не столько разработку социальных технологий, предназначенных для оказания соответствующего воздействия на сознание людей, сколько изучение способов и механизмов функционирования индивидуального и коллективного бессознательного.

Создавая видимость активного включения в структуру человеческих взаимоотношений, виртуальное общение притупляет эмоциональную выразительность, столь необходимую для эмпатической вовлечённости человека в совместную деятельность с другими людьми. Виртуальные взаимоотношения между людьми становятся по сути дела обезличенными контактами, опосредованными современными информационно-коммуникативными технологиями, способствующими достижению терапевтического эффекта⁵.

Вместе с тем возникает очередная проблема — проблема общей культуры личности. Если посмотреть программы центральных каналов телевидения, печатную продукцию книжных издательств, газетную и журнальную продукцию, репертуар театров и концертных залов, создаётся впечатление, что никакого Министерства культуры в России сейчас нет.

Образ (картина) мира являет собой систему значений как обобщённую форму общественно-исторического опыта и форм человеческих отношений. Центральным в образе мира ребёнка является визуальная картина мира, представляющая собой систему графических и цветовых значений, семантика которых культурно обусловлена и в той или иной степени архетипична. Визуальная картина мира зафиксирована в детском рисунке, представляющем «перцептивное высказывание» ребёнка о мире, которое отражает в значительной степени сам образ мира. Подобное «высказывание» по сути дела представляет собой отношение детей к тем или иным явлениям и ситуациям действительности в визуальной форме, что может составить общественное мнение детей.

⁴ Лейбин В.М. Виртуальное общение и интернетотерапия. Информатика сообществ: системный анализ и инструменты: Труды ИСА РАН. М.:2010.

⁵ Лейбин В.М. Виртуальный мир и социальная безопасность. Известия Академии педагогических и социальных наук / Материалы научно-практической конференции «Развитие системы образования — основа обеспечения безопасности страны», М.: МПСИ, 2011. С. 204–212.

Однако, как известно, в отечественной и зарубежной практике опросов населения почти отсутствует категория граждан до 18 лет, дети. Между тем «детское общественное мнение» способно не только расширить, дополнить и углубить имеющиеся аналогичные данные взрослой выборки, но и дать количественно и качественно иную информацию по сравнению со взрослыми, основанную прежде всего не на поверхностных стереотипах массового сознания, а на неосознаваемых социальных установках «коллективного бессознательного».

В отличие от психологии взрослых, детская психология имеет определённую специфику, поскольку формы мышления, поведенческих реакций, социальных установок у детей отличаются большей непосредственностью, конкретностью и открытостью для наблюдения. В известном смысле, благодаря детям можно понять те или иные «свёрнутые» действия взрослого.

В русле социальной психологии детства предлагается подход и методология преимущественно невербального характера, позволяющая осуществить диагностику отношений ребёнка к миру, к другим людям и себе самому. В последние десятилетия человечество обнаруживает жгучий интерес к детской жизни — в литературе, живописи, исследованиях по детским играм, языку, рисункам и прочим продуктам детской субкультуры.

Смысл детской субкультуры для ребёнка заключается в том, что она предоставляет ему особое психологическое пространство, благодаря которому он приобретает «социальную компетентность в группе равных» (Р. Харре); оно охраняет его от неблагоприятных воздействий культуры взрослых, оно же предоставляет ему «экспериментальную площадку» для опробования себя, уточнения границ своих возможностей, задавая «зону вариативного развития». Содержанием детской субкультуры становятся и социогенетические инварианты — относительно устойчивые во времени и пространстве образы, модели, жанры, тексты, представляющие собой «осколки» различных эпох, следы памяти прошлого опыта человечества, передаваемые из поколения в поколение детей⁶.

К социогенетическим инвариантам как единицам продуктов культуры могут быть отнесены некоторые из детских игр, заимствованные из обрядовых мистерий или детская сказка как выродившийся из мифа жанр устного народного творчества. К понятию социогенетической инварианты также оказывается близок распространившийся в последнее время термин «архетип», предложенный ещё Платоном и активно используемый в аналитической психологии К. Юнга. Архетип — это прежде всего бессознательно передаваемый миф родового прошлого («мать», «мудрец», «двойник»...) либо составная часть личности человека («тень», «самость», «анима», «анимус»...) в их вербально-образном аспекте.

Здесь понятие «архетип» выступает в контексте инвариантной культурной формы преимущественно визуального плана и потому оказывается в ряду с понятиями «графический социотип» и «стереотип»⁷. Графические (визуальные) архетипы — наиболее обобщённые полимодальные бессознательные структуры и строящиеся на их основе многочисленные культурные символы, которые постепенно превращаются в знаки, в стандартизированные образы социальных объектов — социотипы, входящие в сознание как целых групп населения (возрастных, профессиональных и др.), так и отдельных индивидов.

Архетипический образ, положенный, например, в основу произведения искусства, воздействует на человека непосредственно через подсознание, вызывая бурный эмоциональный отклик, прежде чем человек поймёт, что именно он чувствует и почему. Социотипический же, отчасти сохраняя способность непосредственного эмоционального воздействия, даёт более чёткую картину происходящего на сознательном уровне; его смысл легче выразить в немногих словах. Стереотип как крайняя форма стандартизированного образа, своего рода выродившийся архетип, фиксирует некоторые, порой несущественные черты объекта, обладающие, однако, относительной устойчивостью. Он максимально определён,

⁶ **Абраменкова В.В.** Социальная психология детства: развитие отношений ребёнка в детской субкультуре. М.: Воронеж, 2000.

⁷ **Зазнобина Л.** Живая жизнь и «виртуальная реальность» // Народное образование. 1996. № 9.

схематизирован, означен. Стереотипы уже не являются символами и воздействуют на человека через его сознание своим легко вербализируемым значением, отличаясь узнаваемостью и распространённостью.

Социогенетические инварианты, выросшие из коллективного бессознательного, с которым ребёнок на «ты», — это вневременной, метакультурный «вечный» образ мира, противостоящий конкретной «здесь и теперь» картине мира.

По оценкам экспертов, символом XXI века станет широкомасштабное телевидение. Возможности этой новейшей технологии, с которой только начинают осваиваться конструкторы, действительно безграничны. Если ещё учесть расширение компьютерных сетей, то очевидно, что мы стоим на пороге глобальных изменений системы социальных связей, установок, ценностей в детской субкультуре. В ней происходят изменения, вызывающие растущую озабоченность специалистов, например, психологами многих стран и отечественными специалистами отмечается деградация традиционной детской игры, столь необходимой для психического развития и личностного становления ребёнка. Существенный фактор подобных негативных изменений — внедрение в современную жизнь средств массовой телеинформации. В настоящее время почти во всех странах мира существует проблема воздействия экрана (телевизионного, видео и компьютерного) на психическое развитие и личность ребёнка. Если 20 лет назад можно было услышать: «дети знают больше нас благодаря телевизору», то теперь: «компьютер им дороже родителей». Эти фразы позволяют уловить не только расширение сферы экрана в жизни детей, но и определённую смену ценностей современного поколения. Педагогические наблюдения и специальные исследования свидетельствуют об исключительном воздействии экранных образов на детское сознание не только вследствие особых технических эффектов, но и в силу повышенной возрастной сензитивности, обуславливающей эффективность формирования социальных установок и мотивацию поведения ребёнка.

Информационно-знаковая сущность мира predeterminedила появление особого разде-

ла в образовании — медиаобразования и в современной педагогике — дидактики экранно-звуковых средств обучения. Появились зарубежные и отечественные концепции медиаобразования, в 1960-е годы ставившие цели обучить визуальным формам коммуникаций (это в США) и развить иммунные качества личности против манипулирования ею средствами массмедиа — это в Европе. В начале 1980-х гг. родился проект «Введение в теорию коммуникации», целью которого было развить способность личности ответственно и критически воспринимать информацию и обобщать её в учебном процессе.

Современная цивилизация, по сути своей, навязала ребёнку экран в качестве и средства развлечения и средства обучения. Ребёнок оказался хорошим учеником, более способным, чем учителя, которым приходится срочно ликвидировать медиабездарность, чтоб не отстать от века и своих учеников. Однако экран как благо цивилизации порождает такие явления, как «информационный тоталитаризм» — агрессивную информационную среду, где нет границ реального и виртуального мира, а также «клиповое сознание», которое отчуждает человека от созерцания и размышления, так характерного, кстати, для российской ментальности.

Восприятие ребёнка тяготеет к созданию целостного образа (целомудрию), к формированию гештальта, к единой смысловой единице мира. Экран с его оптическими эффектами (оп-артом) противится этому оцельнению, предлагая алогичное, парадоксальное, противоестественное представление о мире, например, сочетание невозможного — тягучести и жёсткости (как в картинах С. Дали — мягкий часовой циферблат). Предельно явно обнаруживается подобное при воздействии клипа, мгновенные образы которого способны как бы просачиваться сквозь барьер осознанного восприятия, минуя сознание, воздействуя на бессознательные структуры. Оптические приёмы, воздействие цвета в рекламе и фильмах, компьютерная графика с её возможностями невозможного легко впечатываются в бессознательное, снимая противоречия между реальностью и иллюзией, явью и сном объектом и субъектом, жизнью и смертью.

Специалисты по виртуальным исследованиям говорят о создании «виртуального сообщества людей» с виртуальными городами и виртуальной жизнью, где можно вступать в браки, общаться, развлекаться и пр. (интересно, дети будут рождаться тоже виртуально?). Речь идёт о возникновении в наши дни особого виртуального мира, где новая виртуальная цивилизация с её киберкультурой и виртуальной психологией начинает «разъедать» и заменять новоевропейский тип культуры.

С начала 1970-х гг. на Западе появляются исследования, предупреждающие о губительных последствиях воздействия телеэкрана на здоровье человека. В них делался акцент главным образом на влияние технических параметров теле-, видео- и особенно компьютерного экрана (воздействие электромагнитного излучения, сверхнизких частот, пульсации и пр.), а также эргономических характеристик (расположения прибора, позы оператора, положения его рук, глаз и пр.) на физиологические показатели здоровья человека. Между тем не только излучение телеэкрана и его физические характеристики, но и содержание самих экранных образов воздействуют на взрослое сознание, приводя к определённым его деформациям.

Исследования детей обнаружили специфику восприятия экранных образов: информация, получаемая ребёнком с экрана, воспринимается им как истина, обладает чрезвычайной силой внушения и подражания, в связи с чем на государственном уровне во многих странах был установлен законодательный контроль над содержанием телепрограмм в контексте детства.

В Германии, Швеции и других странах Европы появились специальные законы, ограничивающие доступ ребёнка к телепрограммам, содержащим порнографию, насилие, рекламу алкоголя и табака, а также запреты на рекламные ролики, ориентированные на детей младше 12 лет. Исследование Мюнхенского института изучения проблем молодёжи о влиянии детей на родительские покупки показывает, что ежегодно граждане Германии тратят до 33 млрд марок на покупки, руководствуясь советами своих отпрысков; это не только новые игрушки, детская одежда и пр., но

и товары длительного пользования. 70% детей от 10 до 12 лет имеют право голоса при решении семейных вопросов о приобретении дорогих товаров, например автомобиля.

По мнению психологов, это следствие воздействия рекламы, поскольку любая детская передача прерывается рекламными роликами, которые снимаются с учётом детской психологии и рассчитаны на восприятие детьми, при этом в Германии существует закон, запрещающий скрытую рекламу. Наряду с негативным общественным мнением по поводу рекламы (грешно прививать детям страсть к потребительству!), существует и другая точка зрения о том, что раннее рекламное засилье формирует рекламоиммунитет у детей и непредвзятый взгляд на мир вещей. В одном взрослые единодушны: в большинстве стран ЕС действуют запреты на пропаганду насилия, секса, алкоголя с экрана.

В России таких законов не существует, несмотря на то, что практически в каждом современном теле- или видеофильме присутствуют сцены насилия, жестокости, секса, мистики; реклама скрыто и открыто пропагандирует «красивую жизнь» в товарах и услугах, при этом детские образы и сами дети цинично используются в рекламных целях. Тотальная захваченность детей экраном вызывает озабоченность родителей, учёных, специалистов.

Из-за нынешней американской киноэкспансии в орбиту западного кино вовлекаются прежде всего юные зрители. Их киноинтересы и вкусы во многом американизируются. Однако американское кино, как известно, изрядно отличается от европейского, а тем более — от нашего. Что смотрят и что усваивают в кинозалах российские школьники? Как показало исследование, «киноменю» школьников оказалось довольно однообразным: каждый третий фильм — боевик, каждый пятый — эротический. Почти все основные персонажи фильмов, которые смотрят школьники, — мужчины, преимущественно молодые. Женские персонажи встречаются редко — всего в 18% фильмов. Они также молоды, но роли им отводятся более пассивные и менее значимые (в большинстве случаев в качестве объектов сексуальных притязаний). Основные

персонажи как бы выпадают из семьи. Она имеет только у 10% из них.

С экрана ребята практически не видят образы семьянина и семьи, мужа и жены, отца и матери. Каковы цели и мотивы действий киногероев? Наиболее типичные из них: удовлетворить своё либидо — 41% фильмов, совершить убийство (преступников, ритуальное убийство, выполнить заказ на убийство, отомстить за убийство и т.п.) — 17%; вырваться из заключения, спасти свою жизнь — 17%, разбогатеть (найти клад, украсть драгоценности) — 10%; выполнить свой гражданский и служебный долг — 9%. Идентифицируясь с героями-маргиналами, цели и мотивы поведения которых представлены в позитивном ключе, иные юные зрители, надо полагать, могут приобщиться к стремлениям и чувствам, далёким от идеалов добра, сочувствия и справедливости⁸.

В иерархии ценностных ориентаций героев доминирует секс в различном проявлении — 74% фильмов. Далее следуют: обладание физической силой или оружием как средством добиться своей цели — 40%; деньги, богатство — 14%; месть — 10%; сохранение жизни — 10%. Такие ценности, как дружба, справедливость, достоинство и честь представлены крайне слабо (соответственно по 3%). Погружение юных зрителей в этот искажённый ценностный мир формирует, по-видимому, определённые «скрытые мотивы» поведения. Сексуальное удовольствие может предстать в качестве высшей ценности жизни, «крутая» эротика — как наиважнейший и обязательный мотив обращения к художественному кинопроизведению. Обилие актов насилия в фильмах разных тем и жанров создаёт впечатление, что ради их показа верстаются все остальные эпизоды и весь фильм в целом. Натурализм экранных зарисовок этих картин усиливает впечатление от изображения, размывает грань между действительностью и вымыслом. Культ силы порой трансформируется в садизм.

Существуют тысячи исследований в США и Европе, которые свидетельствуют, что

сцены насилия могут оказывать на психику детей лишь негативное воздей-

ствие. Детские психиатры и психологи убеждены в следующем:

- дети часто в игре или жизненных ситуациях подражают насилию, увиденному на экране;
- дети склонны отождествлять себя с отдельными жертвами или агрессорами и переносить эти роли в реальные ситуации;
- дети могут в результате увиденного счесть насилие приемлемой моделью поведения и способом решения своих проблем.

Ужасающая статистика детской и подростковой жестокости в России свидетельствует о правомерности выводов зарубежных учёных: подавляющее большинство несовершеннолетних преступников при выяснении мотивов истязаний, убийств, изнасилований и других преступлений против личности указывали прямо или косвенно на экранные аналогии.

Детская картина мира как особая система значений, представлений, отношений ребёнка к окружающей среде, другим людям и себе самому в отличие от прежних эпох формируется в условиях «информационного бума» в большей степени под мощным влиянием средств массовой информации со значительным преобладанием визуальных образов теле-, видео- и компьютерного экрана.

Именно сегодня предельно остро встают вопросы о последствиях влияния экрана — его физических, эстетических, психологических и др. параметров на соматическое и ментальное развитие ребёнка и на его нравственное (духовное) становление.

Основные тенденции подобного влияния представляются в следующем:

1. Преобладание визуальной информации, идущей от плоского теле-, видео- и компьютерного экрана, вызывает деформации в складывающейся сенсорной системе ребёнка, в процессах его восприятия и понятийного мышления.
2. Формирующаяся психологическая зависимость от экрана отчуждает его от живого общения со взрослыми, сужает сферу сов-

⁸ Рондели Л.Д. «Киноменю» школьников // Социологические исследования. 1995. № 3.

местной деятельности ребёнка и взрослого в семье.

3. Экран вытесняет традиционную игру, коллективную игру со сверстниками, столь необходимую для психического развития и личностного становления.

4. Экранные образы, запечатлеваясь в сознании, из источника информации превратились в источник трансформации картины мира современного ребёнка, знаменуя собой переоценку традиционной системы ценностей и образа жизни. Это следующие духовные подмены:

а) мозаичность, «распадаемость» образов как агрессия по отношению к живым существам и материальным предметам — вместо ценности живого и целостного мира;

б) конвейер шаблонных приёмов и образов порождает китч вместо высокой эстетической потребности ребёнка в прекрасном;

в) облегчённое отношение к жизни и смерти вместо благоговения перед их тайной; размывание границ дозволенного в представлениях о моральном поведении вместо чёткой системы заповедей («если Бога нет, то всё дозволено»);

г) ранняя сексологизация и эротизация детского сознания вместо целомудренного отношения к интимной сфере жизни;

д) инокультурные нормы и образцы вместо национальных традиций и ритуалов (например, предприимчивые герои мультфильмов Дисней вместо образов русских сказок или чудовищные Барби и Синди — (ни дочери, ни подружки, а символы «общества потребления»!), воплощающие архетип блуда, вместо кукол-голышей, воплощающих исконный архетип материнства.

5. Экран для современного ребёнка — не столько информатор и источник построения картины мира, сколько её конструктор, агрессивно программирующий образ жизни, «новую мораль» и систему ценностей.

Социальная справедливость — извечная нравственная норма, неотъемлемая часть сознания людей. Без её соблюдения не мо-

жет быть здоровым нравственный климат в обществе, как и невозможна здоровая экономика. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл пишет в книге «Неэкономические грани экономики»: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика неэффективна, более того — нежизнеспособна и опасна».

Воспитатели дошкольных учреждений отмечают снижение уровня развития ролевых игр, общую пассивность дошкольников. Педагоги отмечают резкое снижение фантазии и творческой активности младших школьников. Однако сегодня это ещё не научные систематизированные факты, а пока только первые наблюдения педагогов и родителей. Поэтому важнейшей задачей становится изучение особенностей современного детства и влияние информационных технологий на различные аспекты развития ребёнка.

Сегодня около 70% первоклассников, воспитывающихся в семье и проживающих в крупных индустриальных городах, имеют дома компьютер. Они активно и технически умело получают электронную информацию. Однако процесс поступления к ребёнку этой информации носит бессистемный, хаотичный, фрагментарный характер, а содержание информации оказывается недостоверно или прямо нелепо.

По результатам исследований, проведённых в Петербурге среди младших школьников, 28% ребят используют компьютер постоянно, каждый день. Ещё 25% садятся за экран компьютера не реже трёх раз в неделю. 46% младшекласников объяснили, что игра за компьютером помогает им отвлечься от неприятностей, школьных и домашних обязанностей; 68% признали, что игра за компьютером отнимает очень много времени в ущерб учёбе. Признавая это, 33% ребят отметили, что у них появляется раздражение, если взрослые делают им замечания по этому поводу или пытаются отвлечь от игры, 7% испытывали даже злость, а 15% заявили, что попросту не обращают внимания на замечания родителей и вооб-

ще никаких чувств по этому поводу не испытывают.

Развитие одарённого ребёнка — психологическая и педагогическая проблема в семье и школе: чрезмерная интеллектуализация в ущерб игровой деятельности и освоению социальных форм взаимодействия, переживание тоски и скуки в школе, где, с одной стороны, одарённые не испытывают достаточной умственной нагрузки, а с другой — испытывают беспомощность и неуспешность во многих делах, требующих неинтересных им навыков.

Поведение молодого человека в подростковый период определяется несколькими факторами, что не учитывается эскалацией влияния СМИ: половым созреванием подростка и соответствующими быстрыми изменениями, происходящими в организме, маргинальным социальным положением подростка, а также сформировавшимся у него к этому времени индивидуальными особенностями.

Все перечисленные характеристики подросткового возраста способны породить серьёзные кризисные ситуации и, как следствие, психологическое неблагополучие подростков, которое в крайних своих проявлениях ведёт к наркотической и алкогольной зависимости, суицидальным попыткам, подростковой агрессии и асоциальному поведению.

Не случайно проблема подростка на этапе преодоления всех возрастных проблем тесно связана с такими понятиями, как «адаптация», «социализация», «компетенция». Психологическое сопровождение учащихся 11–14 лет в условиях образовательного учреждения предусматривает создание условий, при которых у подростка формируются

ключевые компетенции, позволяющие ему быть адаптивным к условиям окружающего мира и социально значимым для взрослых и сверстников.

Под компетенциями понимаются⁹ внутренние, потенциаль-

ные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выступают как факторы успешности/неуспешности, адаптивности/дезадаптивности, благополучия /неблагополучия подростка.

В. Хутмахер приводит принятое Советом Европы определение пяти ключевых компетенций, которыми «должны быть оснащены молодые европейцы»:

- «... политические и социальные компетенции, такие как способность принимать ответственность, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержке и улучшении демократических институтов;
- компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе. Чтобы контролировать проявление расизма и ксенофобии и развития климата нетолерантности, образование должно «оснастить» молодых людей межкультурными компетенциями, такими как принятие различий, уважение других и способность жить с людьми других культур, языков и религий;
- компетенции, относящиеся к владению (mastery) устной и письменной коммуникацией, которые особенно важны для работы и социальной жизни, с акцентом на то, что тем людям, которые не владеют ими, угрожает социальная изоляция. В этом же контексте коммуникации всё большую важность приобретает владение более чем одним языком;
- компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества. Владение этими технологиями, понимание их применения, слабых и сильных сторон и способов к критическому суждению в отношении информации, распространяемой массмедийными средствами и рекламой;
- способность учиться на протяжении жизни в качестве основы непрерывного обучения в контексте как личной профессиональной, так и социальной жизни».

Можно предположить, что возникновение кризисной ситуации в жизни подростка

⁹ См.: Зимняя И.А. Компетентность человека — новое качество результата образования // Материалы XIII Всероссийского совещания: В 2 кн. М., 2002. Кн. 2; Михайлина М.Ю. Социально-психологические параметры формирования подростковой агрессивности // Психология системного функционирования личности. Саратов, 2004; Петровская Л.А. Компетентность в общении. М., 1989; Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. М., 1994.

всегда обусловлено недостаточной (или несформированной) компетентностью в одной из социально значимых сфер его жизнедеятельности: в отношении самого себя; в отношениях с другими людьми; в отношении значимой деятельности.

Достаточно свободное оперирование в научной литературе различными вариантами названий ситуаций сопровождается размытостью, неопределённостью содержания используемых понятий. Под кризисными ситуациями понимаются «ситуации повышенного риска, предрасполагающие к возникновению реакций дезадаптации (кризисных состояний)» и ситуации функционирования на грани адаптационных возможностей человека, приводящие ко всё более полной утрате субъектности. Такие определения, по нашему мнению, не выделяют необходимых и достаточных признаков, на основании которых специалист может диагностировать характер переживаемой человеком ситуации.

К числу факторов, способных повлиять на вероятность развития кризисных состояний и психогенных заболеваний у подростков, относят: наследственность и конституцию; ход индивидуального развития (рост, созревание, индивидуализация сознания, формирование социальных навыков, обучение); уровень развития познавательных структур личности; возраст и пол; систематические влияния (циклы терапевтического воздействия); «случайные» влияния (жизненные события, факторы окружающей среды); факторы риска; защитные факторы (самого ребёнка и его окружения). Очевидно, что психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в школе предполагает отслеживание этих факторов в отношении подростков и оказание психотерапевтической помощи в том случае, если самостоятельное преодоление кризисной ситуации затруднено.

Критерии оценки качества подобной помощи могут быть выведены из параметров сформированности основных компетенций подростка и связаны:

1) с готовностью к проявлению личностного свойства в деятельности, поведении подростка;

2) со знанием средств, способов, программ выполнения действий, решения социальных и профессиональных задач, осуществления правил и норм поведения, что составляет содержание компетенций;

3) с опытом реализации знаний, умений;

4) с ценностно-смысловым отношением к содержанию компетенции, его личностной значимостью;

5) с эмоционально-волевой регуляцией как способностью адекватно ситуациям социального и профессионального взаимодействия регулировать проявления компетентности.

В стране приняты отдельные правильные статьи законов и положения международных конвенций, касающиеся прав человека на информацию и защиту подростков от СМИ, но в большинстве случаев эти постановления не выполняются и вопрос существования личности в информационном пространстве пущен на самотек.

В государстве на сегодняшний день нет единой выработанной программы действий, которая бы чётко прописала права, свободы и обязанности каждой из сторон в цепочке: общество — СМИ — школа, как это прослеживается в развитых зарубежных странах, где чётко определено, что и с кого можно и нужно спросить, с какого возраста и что можно смотреть, что контролирует государство, за что отвечают телерадиокомпания, какой выбор остаётся за семьёй¹⁰.

Без серьёзной государственной поддержки на самом высоком уровне в стране не удастся создать слой настоящей подростковой масс-медиа и прессы, не коммерческого, а проблемного и аналитического характера, где бы рассказывалось не столько о явлении очередного молодёжного кумира, а поднимались бы глубинные, вековые, но каждый раз такие новые проблемы «отцов и детей».

* * *

В сравнительном анализе следует рассмотреть декларируемые официальными образовательными структурами ценности и установки

¹⁰ Кречетов А. СМИ как опиум для молодёжи // Диалог. 2004, № 4–5. С. 18–22.

в неформальных социальных структурах (реклама, массовое искусство, политические группы разной степени общественной санкционированности, популярная символика)¹¹.

Формирование ценностных ориентаций личности в период её становления происходит по двум крупнейшим каналам — государственная образовательная система (включая и систему частных образовательных учреждений, работающих по лицензии МО РФ) в её формализованных структурах и неформальные социальные институты (литература, СМИ, общественные организации и т.д.).

Первый канал контролируем, и транслируемые им ценности осознаваемы. Второй практически неконтролируем, идеи и ценностные ориентации неосознаваемы, но его ценности усваиваются многократно эффективнее. Дискуссия о ценностном базисе современного образования и технологии трансляции этих ценностей в сознание реципиента приводят к проблеме конфликта (или совпадения) аксиологического базиса формального (официального) образования и ценностей реальных социальных структур и систем. Анализ такого соотношения имеет не столько академический интерес, сколько практический — неформальные социальные нормы, поведенческие стереотипы, социальные аттитуды, архетипы коллективного бессознательного являются значительно более эффективным каналом для интериоризации внешних явлений коллективного сознания в индивидуальное сознание, чем официальные формулы.

Первая причина этого кроется в законах онтогенеза (биологических механизмах развития индивида) и персоногенеза (социально-психологических механизмах формирования личности), а также в закономерностях системных процессов и даже законах, открытых в философии (это к вопросу о пользе философского образования для прикладного социологического, психологического и педагогического анализа).

Формально декларируемые лозунги, при всей их гуманности и благожелательности, в неяв-

ной форме обладают атрибутом некоей насильственности, искусственного навязывания, что включает механизм неприятия явлений «взрослого мира», типичный для периода пубертатного криза и юношеской эпохи «бури и натиска». Механизм этот (в термине «негативизм» возрастного кризиса) описан сто лет назад В. Штерном.

Семьдесят лет назад конструктивный результат этого явления квалифицирован Л.С. Выготским как «психологическое новообразование» возрастного (пубертатного) криза (реализация потребности в самостоятельном социальном статусе, для чего требуется субъективное отделение от семьи, подросток и юноша становятся субъектом социальной активности). Формально-педагогическое образование, являясь инструментом воздействия на формирующееся сознание и личность со стороны «взрослых», в какой-то мере испытывает влияние такого негативизма, что снижает эффективность работы таких структур.

Вторая причина большей эффективности неофициальных идеалов открыта (хотя и не объяснена; но ведь и гипноз открыт полтора столетия назад, но механизм его неизвестен) в общей экспериментальной психологии. В исследованиях законов работы сознания, выполняемых под руководством В.М. Аллахвердова, обнаружился факт большей привлекательности запретной, нежели санкционированной информации — большей эффективности запоминания, её ускоренной актуализации при решении определенных задач и т.д. Житейская мудрость «Запретный плод сладок» это подтверждает.

Эффективность неявной информации можно было предположить и исходя из того факта, что в сознательной обработке информации всегда присутствует критичность её осмысления, логическая и практическая проверка; на явную информацию имеется «вирусолов», запрограммированный на уже известные «вирусы», «трояны» и прочих вредителей. А для неявной, скрытой информации противоядие ещё не создано, логика и иные методы критического осмысления недействительны в сфере подсознания.

Есть и ещё закономерность, описываемая в общей психологии — законы эмоций

¹¹ Беломестнова Н.В. Структура ценностей формального и социального образования. Материалы семинара «Философия — образование — общество», 2005.

не коррелируют с законами логики, это различные подсистемы психики. А ценности (как явления и факты действительности, безусловно принятые личностью в качестве целей бытия, смысложизненных образований) явно относятся к эмоционально-оценочной сфере субъективной картины мира индивида и, следовательно, доводы разума не являются самым эффективным способом их межпоколенной трансляции. Но зато эффект импринтинга по механизму аффективной насыщенности темы, ситуации или идеи работает очень хорошо.

Официально прописанные ценности включают толерантность как широту взглядов во всех аспектах — этническую, социально-групповую, в межличностных отношениях. Неформализованные ценности «естественных», стихийно сложившихся социальных структур (по механизмам системных процессов в развитии цивилизации) отражают крайний индивидуализм (в рекламе существенная часть слоганов начинается с личного местоимения первого лица «Я, мне, меня, моё»).

Формально объявляется ценность высокообразованного человека, реально термин «звезда» относят только к представителям самых массовых видов искусств, не причисляя к «звёздам» даже деятелей высокого искусства, не говоря уже об учёных. Газеты, телевидение, реклама заполнены информацией о скандалистах, «попсовых» деятелях, визажистах, финансистах, бизнесменах и т.д., но не о людях высокого профессионализма в других профессиях.

В образовании подчёркивается значимость «практического приложения» полученных знаний, но без акцентирования на обособности этого знания в научных и прикладных исследованиях. Но реально эта практичность оценивается в объёме и скорости полученной наличности, а этот параметр легче всего достигается в мошеннических деяниях. Да и предъявление якобы «практических» знаний в популярных пособиях («Сам себе психолог», «Займёмся здоровьем») ведёт к профанации профессионального образования.

Провозглашённое право каждого на образование вылилось во всеобщее высшее образование с неизбежным обрушением его

качества и эффективности, девальвируя вузовский диплом. Сейчас человек с дипломом среднего специального образования и зарабатывает больше, и вызывает уважение как субъект незаурядных интеллектуальных способностей (в профессиональных колледжах имеются объективные критерии скорости, объёма и глубины усвоения знаний, в отличие от исчезнувшей системы контроля в вузах).

Таким образом, неконтролируемое содержание идей средств массовой информации (а это одна из сторон права на информацию) приводит к ситуации перетягивания каната между формализованными ценностями общества и реально вводимыми по более эффективными каналам. Значит, необходимо ввести контроль в области массмедиа если не запретительного характера, то в варианте профессионального консультирования.

Формальное образование может дать запас знаний, умений и навыков, сформировать грамотное логическое, научное и критическое мышление, но не может «впечатать» фундаментальные ценности. При этом вне всяких сомнений официальные структуры образовательной системы должны осуществлять и воспитательную функцию (часть индивидуумов вполне способны оценить доводы разума и гуманности), но это не снимает необходимости использования неформальных каналов воздействия.

Компаративный аксиологический анализ различных систем формального и неформального образования становится необходимым этапом в решении вопроса о ведущей аксиологической парадигме в педагогике.

Аксиологические парадигмы разных эпох и суперкультур существенно отличаются. Суперкультура Запада (до начала глобализации) характеризуется пиететом перед логическим мышлением, индивидуализмом в самосознании субъекта, внешними (объективными) критериями успешной личности, агонизме и активности. Отсюда и проистекают ценности образовательных систем, главная из которых — способность эффективно работать на личный успех в его общественной и материальной формах.

В отличие от Запада, суперкультура Востока (Дальневосточный регион) зиждется на ценности недеяния, интуитивного способа познания, консервативности во всех сферах бытия, примате природы и общества перед личностью. В педагогических системах стратегическая цель — формирование способности подчинения и исполнения.

Российский суперэтнос в силу географических, исторических и этногенетических (Л.Н. Гумилёв) причин занимает промежуточную (или синтезирующую, что несколько льстит нашему национальному самолюбию) позицию. Идея соборности (в отличие от западного индивидуализма) сосуществует с направленностью на активность в освоении действительности (как природы, так и духовных завоеваний), что типично для Запада. Ценность знания и просвещения (сугубо западные признаки) соседствуют с религиозными установками (восточная ценность). Уважается как способность и свойство личного успеха индивидуума, так и стремление к счастью (причём жела-

тельно для всех). И в наблюдениях отечественных философов, писателей, социальных психологов, и в описаниях иностранных аналитиков (послов, писателей, социологов, культурологов) отмечается амбивалентность «загадочной русской души».

Современная эпоха несколько сместила обозначенную дифференциацию. Процессы глобализации приводят к истернизации Западного полушария и вестернизации Восточного. Не мог этот процесс обойти и Россию. Резко «восточный» характер ценностей тоталитарной эпохи (соборность в виде коллективизма, примат власти над личностью, обесценивание личности-индивидуальности, ограничение ценности объёма и всесторонности информации и информированности, отсутствие свободы выбора, формирование в самосознании «психологии винтика в государственной машине», негативная ценность субъектности личности при декларации инициативности и активности, унификация всех форм бытия) сменился столь же мощной вестернизацией аксиологических параметров. □

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал для педагогов дополнительного образования, родителей и детей.

Цель издания — развитие творческих способностей, формирование нравственных, эстетических понятий, воспитание всесторонне развитой личности.

В журнале публикуются положения о различных творческих конкурсах, в которых могут принять участие все желающие. Педагоги делятся своим опытом в «мастер-классе».

В журнале публикуются творческие работы детей.

Мы надеемся, что журнал станет другом и советчиком для педагогов, родителей и детей.

Подписные индексы журнала «Детское творчество» в каталоге агентства «Роспечать».

71980 — для индивидуальных подписчиков.

71981 — для организаций.